

18+

Юлия Лучаева

Три имени Жанны

Часть 2. Сестра Клер

Юлия Лучаева

**Три имени Жанны.
Часть 2. Сестра Клер**

«Издательские решения»

Лучаева Ю.

Три имени Жанны. Часть 2. Сестра Клер / Ю. Лучаева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-653009-6

Лондон 1870. Похищена дочь графа де Леви, начальника «Черной комнаты» Тайной канцелярии Императора Франции. Ее жениху и его друзьям придется выяснить, кто причастен к этому варварскому способу управлять ходом войны, самим графом де Леви, и спасти его дочь. Наполеон III капитулировал. Франция собирает новую армию. Англия осталась далеко. Испытания, которые навсегда изменят жизни героев, будут по силам не каждому. Где Жюли?

ISBN 978-5-00-653009-6

© Лучаева Ю.
© Издательские решения

Содержание

Книга 2	6
Сестра Клер	7
Пролог	7
Глава 1	10
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Три имени Жанны Часть 2. Сестра Клер

Юлия Лучаева

© Юлия Лучаева, 2025

ISBN 978-5-0065-3009-6 (т. 2)

ISBN 978-5-0064-4288-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга 2

Сестра Клер

Пролог

Энтони Талбот едва дождался утра. Не смыкая глаз после нескольких приемов, на которые он был приглашен и которым не отказал ни одному, выпив все шампанское и весь эль, что подавали, он ввалился в свой дом на Пикеринг-плейс, более скромный, чем дом на Итон-сквер у Латаймера, но не лишенный своего очарования ввиду наличия во дворе одного из старейших домов виноторговли Британии, который был основан еще сто лет назад. Магазины, окружающие двор здания и коридор с Сент-Джеймс-стрит радостно принимали всех джентльменов из многочисленных клубов, расположенных поблизости, что в каждый отпуск позволяло капитану Талботу быстро найти подходящую компанию и не менее быстро оказаться дома, а утром выглядеть гораздо бодрее своих собеседников за счет пары лишних часов сна.

В эту ночь он пил много. Не шла у него из головы сверкающая графиня де Леви с ее черными глазами. Взглядом как огнем жгла. И нельзя было думать о ней, Генри ведь его друг... И не думать – нельзя. А пить – можно! Вон сколько эля еще в погребах... Залить все им: и этот чертов отпуск, и это посольство, и Латаймера с его кузиной, с глазами ее, черт...

К утру Талбот все-таки обрел силы вернуться в свой дом, хотя и нашел вход в него не с первого раза. Дворецкий у него тоже имелся, но был попроще и так давно, что тоже считал себя родственником барону Талботу, упокой, Господи, души его бедных родителей: видели бы они, каков их сынок! А ведь сэр Энтони подавал такие надежды! Мог бы с дружкой своим, Латаймером, денег сделать в Африке, уже бы в Белгравии жили... Нет, взялся одно твердить: армия делает мужчину – мужчиной. А теперь этот мужчина лежал в холле полумертвый и, если его пошевелить немного, будто воскресал и шептал: «...Искры... Глаза ее...».

– Оставь меня, Дорсет, я уже тре-з-в. – уверенно сказал барон Талбот дворецкому и сел на ковре в прихожей более-менее ровно. Язык его не слушался, но хоть немного был подвластен. Чего нельзя пока было сказать о ногах – им требовалось время, чтобы вспомнить свое истинное предназначение.

Несмотря на эту досадную ночную заминку, уже в одиннадцать утра, бодрый, умытый и переодетый в чистый мундир, барон Энтони Талбот стоял на пороге дома Генри Латаймера, настойчиво стуча в дверь – не имея привычки сдаваться никогда, уж завтрак со старым добрым другом в Её присутствии он решил пережить.

Моррисон открыл двери и, не глядя, кто на пороге, почтительно отступил. Лицо его было мрачным, и сам воздух в этой богатой прихожей стоял тревожный, будто кто-то при смерти... Весь холл был уже уставлен корзинами с цветами для графини де Леви, поднос с визитками являл собою самую высокую пирамиду в мире, могла ли хоть одна примадонна Ковент-Гардена похвастаться таким количеством поклонников после удачной премьеры? Однако, напряжение и мрак витали в воздухе, сгущая его. Встревоженно, опережая дворецкого своего друга, Талбот вбежал в кабинет и увидел там Генри, сидящего за письменным столом возле телеграфа. Вокруг обстановка напоминала взрыв: по полу валялись осколки пепельниц и лампы, стул был сломан, бумаги разбросаны, складывалось впечатление, что в этом небольшом помещении дралось на саблях не меньше бригады всадников. Руки мистера Олтона, разбившие все это и разбитые, как и их владелец, тряслись, волосы упали на лоб и по низко опущенному лицу можно было подумать, что он плачет.

Он не плакал.

Смелый, предприимчивый, сильный и уверенный в себе, сэр Генри Гаррингтон, барон Латаймер, граф Олтон после того, как в ужасе пробегал всю ночь по улицам Лондона вместе

с частными сыщиками в поисках Жюли, которой и след простыл, не плакал. Ни звука не прорывалось из его каменной груди. Все оставалось внутри, лишь в деталях выпуская наружу то искру боли, то высокую температуру гнева. Даже сидеть сэр Генри спокойно не мог: он менял положение, словно отталкиваясь от стола, от спинки стула, от всего, что прикасалось к нему в этом, в одночасье ставшим враждебным, холодном и пустом мире.

Ничего, кроме открытой двери из гостиной в сад, тьмы и смятой розы на их скамье, найдено не было. Слуги, дворецкий, камеристка, баронесса: все пили успокаивающие капли и бегали по его поручениям. В посольство сообщили – связь с деятельностью отца графини де Леви была очевидна. Ла Валетт дал своих людей в поиски, но, в интересах сохранения репутации графини де Леви, напрямую к полиции просил не обращаться.

Генри перестал чувствовать все остальное: боль гнала его, давала сил, затмевала усталость и даже страх за его Дженет. Но к утру он понял, что одной боли мало, чтобы ее вернуть... Все задействованные силы вскоре были истощены, а след леди Джейн так и не найден: никто в Белгравии ночью не следит за домами соседей. Неутомимые сыщики, тайная полиция при посольстве, разведка Британии, разведка Франции – все пытались разгадать этот ребус, и никто не добился успеха. Мало-мальски стройной версии произошедшего с леди Джейн не было, как и ее местонахождение оставалось тайной. Все это тихо, вполголоса, Моррисон рассказал сэру Талботу, остолбеневшему возле своего друга.

Несправедливость всегда возмущала Энтони Талбота, давая необходимую и иногда даже избыточную энергию для восстановления равновесия добра и зла. В этот раз больно было ему самому: видеть, как страдает его друг, умный, добрый и порядочный человек, и знать, что Она в опасности... Однако военная служба научила сэра Талбота главному для мужчины: действовать без промедления. Решительно сев перед другом в кресло, он начал говорить, усыпляя его отчаяние и помогая себе справиться с волнением:

– Генри, мы найдем ее! Нам нужно действовать обдуманно: нужны проверенные помощники, готовая на все армия и мозг, который все будет анализировать...

– Я начинаю думать, что тут замешаны все: и все разведки мира, и мое прошлое...

– При чем тут разведки? И нет ничего в твоём прошлом, чтобы...

– Есть, – жестко ответил Генри и опустил глаза, но больше не сказал ни слова.

Они договорились, что в их ситуации факт похищения графини де Леви действительно необходимо скрыть: это облегчит им поиски. Баронессу отправят в Брайдхолл: они всем скажут, что графиня де Леви отправлена врачом в Италию, на лечение. Леди Латаймер более всего подходила на роль того, кто организует и нужные слухи, и работу усадьбы до их возвращения. Встав с колен, на которых она провела в молитвах те малые часы отдыха, что ей были отпущены этой ночью, баронесса немного сопротивлялась своей миссии. Ей хотелось участвовать в поисках, быть по-настоящему полезной, однако встретившись глазами с сэром Генри она осеклась и ушла собирать свои вещи. Обернувшись на прощание к мистеру Олтону, она вдруг по-матерински коснулась его плеча и сказала тихо и очень твердо:

– Держитесь, сэр Генри. Она найдется. Обязательно пишите мне: я должна знать все, что вы найдете! Или я умру!

Слугам на Итон-стрит положили тройное жалование за то, что они держат язык за зубами, а представитель Британской разведки прибыл вскорости и рассказал им о том, что будет, если этот запрет будет нарушен. Моррисон единственный отказался от оплаты. Он понимал больше остальных: дочь начальника тайной канцелярии во время войны нужна каждой из противодействующих сторон, и он все еще был лучшим дворецким Лондона. Ему было странно, что похитили ее только сейчас, а не месяц назад, когда они приехали. Понятна дворецкому была поспешность хозяина со свадьбой: спрятать мишень всех разведок мира под другой фамилией в провинции третьей стороны, вдали от глаз, было лучшим решением для спасения любимой женщины. Но, как оказалось, все равно неудачным.

Отправили телеграмму в Брайдхолл чтобы приехал доктор Дойл. Лучшего аналитика и стратега Генри не знал, хотя был знаком со многими, да и не доверился бы никому другому. Мистер Дойл пообещал быть к ночи, наверняка заинтригованный срочностью и отсутствием деталей происходящего. И только тогда Талбот смог оставить своего друга одного, вдвоем с Моррисоном практически силой затолкав его в постель: свежая голова и отдохнувшее тело нужны для поисков больше, чем уставший, разбитый герой, бегущий в никуда.

Проваливаясь в сон, Генри думал, что это невозможно: он теперь никогда не сможет спать, пока она не вернется. Всю ночь они прочесывали улицы Белгравии, Итон-парк, затем близлежащие улицы, затем остальные. Он был на фабрике, он дважды прочесал периметр вокруг дома, он всю ночь звал подмогу, отбивая телеграммы в посольство Франции, Англии, частным сыщикам, и к утру помощь пришла: в дом входили люди, задавали какие-то вопросы, уходили, возвращались, обещали держать в курсе.

Она не сбежала – он знал это точно.

Она растворилась в темноте всего час спустя после того, как сказала «*Tu es mon Dieu!*»¹ в гостиной и убежала собираться в дорогу. Ее Бог был повержен: он не уберег ее, не спрятал в Брайдхолле, не окружил его тройным кольцом конницы, не успел жениться на ней, не притащил ее чертова отца для венчания из Франции за шиворот, смог лишь ненадолго спрятать ее в Белгравии, но зачем-то согласился на этот дурацкий выезд в посольство... Высшее милосердие сжалилось над ним и погрузило его в сон против его воли. Там граф Олтон бежал по зарослям шиповника в Брайдхолле к старой беседке, продираясь сквозь обжигающие все тело болью колючие кусты, но никак не мог отыскать свою милую Дженет.

Талбот тем временем вернулся в расположение своей части с рапортом о продолжении отпуска еще на три недели по семейным обстоятельствам. Его командир долго не мог понять, с чего вдруг офицер, ранее не рвавшийся на гражданку, вдруг так заинтересовался мирской жизнью, но капитан Талбот в ответ на все вопросы молчал как партизан, сухо ответив, что все изложил в рапорте и добавить к нему более ничего не может, ибо это не его тайна. Отличная служба и горячее сердце капитана Талбота сделали свое дело: отпуск он получил, наравне с предложением помощи в случае ее необходимости.

Энтони Талбот очень хотел найти невесту друга.

И был готов сражаться за нее, если придется.

Но сначала – найти.

¹ Ты мой Бог! – (фр)

Глава 1

Дождливый вечер, загнавший под крыши тех обитателей Лондона, у которых они были, и под мосты тех, у кого их не было, привел в дом Генри Олтона и армию, и штаб-квартиру: пока хозяин мятежно спал, переместившись в кошмар не меньшей силы, чем прошедшая ночь, в его гостиной встретились доктор Дойл и капитан Талбот. Сидя у камина, потягивая бренди в ожидании хозяина, которого решено было разбудить, они не говорили о причине, которая послужила столь стремительному вызову доктора в Лондон: как умный человек, он понимал, что она веская, хотя и не была ему сообщена.

Мистер Дойл решил не продолжать свои упражнения в анализе этой истории, его самолюбию было достаточно того, что до сего дня он безошибочно угадывал дальнейший сюжет. Еще раньше самого мистера Олтона, доктор понял ту невероятную химию, которая возникла между Генри и его неожиданной подопечной, принесшей столько беспокойства в его дом и его жизнь. Несмотря на уверенную позицию ученого и медика самых прогрессивных взглядов, глянув на Олтона и его кузину, мистер Дойл готов был сразу поклясться, что Господь ведет каждого за руку к его счастью, а несчастья происходят лишь тогда, когда человек противится Его воле. Очень вовремя и очень кстати появилась эта милая французская кузина, так заполнившая пространство вокруг своего опекуна хлопотами о себе, что лучше и нельзя было выдумать лекарства от горя и отчаянья для человека, потерявшего всю семью. Их союз был определен и прекрасен, что могло испортить эту идиллию?

Мистер Олтон вошел в гостиную собранным, бледным, однако двигался очень уверенным шагом. Выглядел он как собственное привидение, но был тверд и решителен. В его жизни не было вызовов такого уровня, но тем сильнее он был разгорячен желанием вернуть из небытия того, кого потерял безвозвратно. И если с родителями это было подвластно только Господу и тот крайне редко выполнял подобные просьбы, то с его Дженет просить никого было не нужно: это было возможно руками обычного человека. Просто все происходило медленно. Очень медленно. Время теперь текло как вязкий прошлогодний мёд: не давая пошевелиться, склеивая все на своем пути.

Как только он сел, вбежавший за ним Моррисон прикатил тележку с поздним ужином джентльменам: холодный окорок, ветчина, жареная утка в яблоках и дюжина бутылок бренди. Отдав предпочтение ужину, чтобы хоть немного отблагодарить своих помощников за их рвение и способность сорваться с места и прийти на помощь в любую минуту, Генри ел мало и почти молча, пообещав доктору Дойлу все рассказать после. Талбот был напряжен, но как офицер знал о важности подкрепления сил войска. Знать бы еще, кому они объявили войну, или – кто объявил войну им? Доктор Дойл, терпеливо решив дождаться объяснений, так же взялся за вилку и нож. Бренди призывно искрился в хрустальных бокалах. Тишина звенела, нарушаемая лишь дыханием троих мужчин, в обход всех традиций, ужинающих наскоро и молча.

Моррисон тихо вошел в гостиную снова и, наклонившись к уху сэра Олтона сказал: «В прихожей Вас ожидают. Это не терпит, сэр», – и Генри вскочил и вышел вперед испуганного Моррисона, который вслед ему продолжал: «в Вашем холле сейчас дерутся две разведки. Боюсь, нас ждет еще одна Столетняя война!».

Совершенно запутавшись, доктор Дойл посмотрел на сэра Талбота и, не найдя ответа на свои красноречивые и немые вопросы, все-таки негромко спросил, отложив вилку с ветчиной:

– Во что мы ввязались, мистер Талбот?

– В войну, мистер Дойл... В войну разведок, черт меня побери! – горячо и тихо после паузы ответил Талбот самому себе, глядя в свою тарелку.

– Не сочтите меня навязчивым, мой друг, но при чем здесь мистер Олтон?

Вошедший Генри, явно разгоряченный полученными новостями, бросив на стол две пухлые папки, ответил за своего друга:

– Не я, доктор, а графиня де Леви...

Доктор Дойл слушал молча, не перебивая беспокойный, но уже стройный рассказ Генри о том, что случилось за последние сутки на Итон-стрит, кто такая графиня де Леви и почему она оказалась в Англии. Отчеты, с которыми явились представители тайных канцелярий обеих держав, Англии и Франции, лежали на краю стола объемными папками, но не производили впечатления содержательных извещений: в холле оба задиры, быстро поспорив о величии их монархов и перейдя к рукоприкладству, отрицательно покачали головами. Будто бы и не сговариваясь, обе разведки не нашли ничего о местонахождении графини де Леви. Английская добавила, что определить местонахождение иностранной гражданки невозможно из-за территориальных особенностей поисков. Французская причиной назвала свою войну с Пруссией, внутренними политическими проблемами и запретом Национального собрания выдавать местонахождение членов семей и родственников слуг государства. Единственное, что не удавалось Генри делать постоянно – это думать холодно и отстраненно. Талбот умел только сокращать противника, а им был нужен человек думающий и надежный, способный анализировать информацию и делать верные умозаключения, не отвлекаясь на отчаянные мировые войны.

Они пересели к камину. Доктор Дойл закурил. Взглядом окинув своих собеседников, он читал в их глазах надежду, места которой реальность не оставляла: найти похищенную дочь начальника Черной комнаты Тайной канцелярии Второй Империи, ведущей войну с самым могущественным государством Европы троим англичанам, один из которых ослепленный болью утраты жених, второй капитан кавалерийского полка, а третий – врач из провинции, не представлялось возможным ни при каких обстоятельствах. И в то же время, никто так, как доктор Дойл, не знал, что искреннее желание способно сотворить невозможное, конечно, если желание несет благо. Генри закончил свой рассказ, опустив глаза и глядя в огонь в камине:

– Я имею опыт розыска и возвращения людей с другого континента, джентльмены. Но это не было моим личным делом, поэтому сейчас для успеха мне нужны вы оба. Готовы ли Вы участвовать в истории, которую на этот раз сотворите сами?

Доктор помолчал, затягиваясь сигарой, и тихо ответил сэру Генри:

– Во-первых, должен сказать вам, что вы надеетесь на чудо. И существует одна миллионная доля вероятности того, что наши усилия приведут к успеху. Против всех остальных, провал в которых разрушит не только наши надежды, но и жизни. Мне хотелось бы, чтобы вы оба осознавали это и приняли как факт. Во-вторых, возможно, что ваша оценка моих способностей завышена и мне окажется не под силу решить этот ребус. В-третьих, нам придется обращаться за помощью к таким слоям общества, о которых вы и не догадывались, а я предпочел бы никогда не встречать повторно. Это – война до последнего патрона. Я, в отличие от вас двоих, осознаю, во что ввязываюсь. Что поделаешь? Я люблю сложные ребусы и довольно долго прожил для того, чтобы не бояться потерять оставшиеся мне дни. Я люблю головоломки и ради них готов жертвовать. А вы? Вы готовы на такое ради любимой женщины?

Не задумываясь, они оба: и Генри, и Талбот, одинаково горячо ответили: «Да!», еще мало понимая, что придется пройти им в будущем, но искренне желая вернуть то равновесие, которое для обоих заключалось в существовании графини де Леви. Удивленно переглянувшись, они замерли: Талбот понял, что проговорился, Генри понял, что у его друга свои интересы в этом деле. Видя их замешательство, доктор Дойл усмехнулся:

– Вы выясните все тогда, когда графиня де Леви будет сидеть в этой гостиной, живая и невредимая. Ни минутой раньше! До этого момента вам двоим нужно быть самыми преданными союзниками и верными друзьями, каковыми вы и являетесь.

Генри очнулся от удивления и, не выпуская свои чувства наружу, спокойно произнес:

– В таком случае приступаем. Все, что мы узнаем, все, что нам покажется причастным к нашему делу, мы будем приносить сюда, на Итон- стрит, в кабинет. Важна любая мелочь. Каждый вечер мы будем собираться здесь в девять и обмениваться тем, что смогли сделать за день...

Доктор Дойл покорно подытожил:

– Я отправлю несколько писем в свою больницу, мне нужно подумать о схеме наших действий. А сейчас – выпейте еще бренди и ступайте спать, джентльмены, это совет врача.

Генри облегченно выдохнул, залпом выпил все из своего бокала и помолчав немного, сказал:

– Спасибо, доктор!

– Доброй ночи. – и мистер Дойл решительно встал со своего места. Моррисон проводил его, попутно обещая найти все, что необходимо мистеру Дойлу. Генри и Талбот остались одни.

Не поднимая друг на друга глаз, они молчали. Как такое вообще могло случиться со старыми друзьями, которые как братья росли с самого детства? Одна женщина, настоящее чувство – и они соперники? Генри понимал, что его Дженет могла вызвать чувства у кого угодно, но меньше всего думал он об этом касательно Тони Талбота. А его друг сидел напротив, осознавая, что у него нет шансов: не потому, что Латаймер красив, умен, богат, а по тому, как Она смотрела на Генри Латаймера, не сводя глаз. И в то же время не мог Талбот контролировать свои чувства к Ней. Резкой вспышкой вошла в его жизнь графиня де Леви, неожиданная, яркая... Слишком быстро, чтобы привыкнуть к этому свету настолько, чтобы не замечать его. Да и возможно ли это было? Не замечать Ее, не думать о Ней...

Оба они молча заканчивали по второй бутылке бренди. Оба собрались сидеть так всю ночь, будто время могло найти решение той боли, которая покрывает вчерашних друзей, ставших в одночасье противниками. И Генри оказался сильнее. Он заговорил слегка заплетающимся языком, глядя в камин, но искренне обращаясь к своему товарищу:

– Тони, я хочу ее найти.

– Ты не думал, что она сама? – Талбот так же не мог поднять на своего друга глаз, как выговорить то, что невеста его друга сбежала из-под венца. Генри же размышлял:

– Только не она... Даже если... Даже если она сама захотела сбежать, она бы оставила записку. Но она не могла сама... Я знаю ее... Даже если... Я просто хочу найти ее и убедиться, что с ней все хорошо.

– Я хочу того же, Генри... – Талбот тоже говорил нечетко, и в помощь непослушному языку кивал головой, – Она же... Она такая...

– Да, Тони... Она – такая...

И они хором озвучили: «Яркая Звезда Франции!», подняли бокалы и почувствовали прежнее тепло старой дружбы. Вспомнив что-то, Генри вдруг поджал губы и, уже не контролируя себя, заносчиво произнес:

– А этот Ла Валетт с ней два раза танцевал...

– Наглец! – и глаза Талбота сузились, но Генри попытался объяснить себе и другу право хозяина приема на любом балу, которому не отказывают в приглашении танцевать:

– Ну, он – посол...

– Но – наглец!

И они скрестили бокалы еще раз, довольные нашедшимся внешним врагом. После паузы, Генри осенило открытие, которое он тут же озвучил своему другу с гневом, хорошо разбавленным бренди:

– Что, если это – он? Если это все устроил посол Ла Валетт?

– Вот мерцаве-ц! – подхватил Талбот, пытаясь встать со своего кресла и немедленно идти во Французское посольство. Генри подал ему руку и сам встал. Их мстительный дуэт сильно

раскачивался. Решено было немедленно идти в посольство и вызывать посла на дуэль. Если его не убьет Генри, его убьет Талбот.

Они обнялись и почти ровно дошагали до выхода из гостиной, где из темноты проема дверей навстречу им вырос доктор Дойл в домашнем халате и резонно поинтересовался, а кто в этом случае будет искать графиню де Леви? Друзья обмякли. Протрезвев благодаря этому вопросу, оба застыли, вернувшись в реальность...

– Я не буду сидеть, сложа руки... – тихо, но твердо сказал Генри, опустив глаза.

– Лягте, расправив их, – отрезал мистер Дойл, – Не заставляйте меня жалеть о том, что я согласился на это предприятие! Я готов к партнерству, но не собираюсь быть вам обоим родной матерью! Завтра после завтрака оба в кабинет! А сейчас – или вы идете спать, или я – собирать вещи на первый поезд из Лондона!

Утром доктор был собран, деловит и, быстро покончив с завтраком, объявил им, что имеющаяся информация для анализа недостаточна: необходимо учесть всех, кто мог желать неприятностей графине де Леви, кто мог их исполнить, и кто был рядом в последние сутки. С трудом, но Генри пришлось назвать имя Сен Паля и Агнес Хейли: ему показалось, что леди Хейли он заметил на приеме в посольстве Франции в окружении нескольких темных личностей, она преследует его уже несколько лет после *одного поручения* Её Величества, которое он выполнил с честью, но попал в *область личных интересов* леди Хейли. Сен Паля Генри не знал лично, но знал, что он – прусский шпион и что еще месяц назад этот человек, преследовавший его Джейн от Парижа, находился в Дувре и *получил отказ графини в своей просьбе*. Талбот напрягся в этот момент, но промолчал. Генри сообщил так же, что на приеме были несколько прусских шпионов, о которых ему было немного известно, но это обычное дело в наше время. Доктор Дойл кивнул и начал объяснять ситуацию:

– В похищении графини де Леви условно мы можем подозревать: разведки Франции, Британии, Пруссии, господина Сен Паля, леди Хейли и неизвестное нам лицо или группу лиц, о которых мы пока ничего не знаем. Поэтому первое, что мы должны обеспечить – это крайне осторожный обмен информацией с этими подозреваемыми нами объектами, и если мы не общаемся с леди Хейли и Сен Палем, то с разведками нужно быть втроене предусмотрительными и осторожными. Так же я навещу кое-кого сегодня в Лондоне, чтобы уточнить, насколько никто ничего не видел и не слышал в ту ночь.

В этот момент вошел Моррисон и объявил:

– Лондонская стереоскопическая компания прислала своих рабочих, сэр.

– Рабочих? Зачем? – спросил Генри, не понимая ничего.

– Фото леди Джейн, сэр. Оно в раме, сэр.

– Поставьте на камин, не распаковывая...

– Невозможно, сэр: фото огромное, мистер Ноттидж и мистер Инглэнд прислали сопроводительную открытку и инструкцию по установке. Они сказали, что это второе фото в их практике такого размера и они очень беспокоятся о его транспортировке и правильном расположении в помещении. Это портрет в полный рост, и установят его их рабочие...

Кулаки Генри сжались, а лицо побледнело. Он не был готов сейчас смотреть ей в глаза, своей милой Дженет. Только не это. Только не сейчас. Не только боль потери, но и чувство вины за то, что не уберег ее, наполняли его душу и сердце. Талбот коснулся его плеча и сказал Моррисону:

– Я прослежу, чтобы его поставили...

– ... в гостиной! – Генри трясло, но он унимал свою дрожь как мог, – Пусть будет мне напоминанием.

Доктор Дойл промолчал. Он видел, чего стоило Генри собраться в этот момент, чтобы четверть часа спустя вместо самобичевания отправиться к своей тетушке, леди Гаррингтон, рассказать ей о произошедшем и попросить помощи в поисках. Сэру Талботу выпала роль

справиться о фактическом местонахождении господина Сен Паля и леди Хейли: нужны были их адреса. Сам же мистер Дойл ушел в кабинет думать, пока не наступил вечер и не пришло время для его особенных визитов.

Фото графини де Леви в полный рост, в подвенечном платье, с флердоранжем в причёске, убранное красивой витой рамой из серебра, водрузили на каминную полку и леди Джейн встала вровень с портретами знаменитых предков Гарринтонов, Латаймеров и Олтонов. Глядя в пустую гостиную, залитую печальными тенями и слабым, обреченным светом дождливого утра, она светилась так, будто одна живая стояла среди мертвых и улыбалась Генри. Она всегда улыбалась Генри: неважно, слышала ли она его голос или смотрела ему в глаза, был он рядом или за сотни миль. Генри всегда был вознагражден ее улыбкой. И серебряными искрами в глазах...

Глава 2

Леди Гаррингтон была шокирована. Она сидела у камина, вдруг опустив плечи, как-то неловко опираясь на подлокотник своего кресла, и пыталась сказать хоть что-нибудь единственному племяннику, вместо свадьбы уверенно шедшему в ад еще одних похорон близкого человека. Он, уверенный в себе, успешный, всегда крепко стоявший на ногах мужчина, сейчас сидел в ее голубом салоне разбитым, будто внезапно состарившись, и не знал, что еще сказать. Не знала и она. Все слова сейчас не значили совершенно ничего, и тем ценнее было каждое из них:

– *Семья* поможет. – твердо сказала леди Гаррингтон графу Олтону, единственному племяннику, так не любившему упоминать ее фамилию рядом со своей. Он поднял на нее глаза. Она продолжала, – Я пришло к тебе управляющего. Найди ему кабинет с диваном, чтобы он был всегда под рукой. Он обеспечит любые ресурсы – люди, деньги, газеты, транспорт.

– Я прошу тебя устроить мне аудиенцию с Её Величеством.

– Ты же знаешь, что на это уйдёт много времени, Генри.

– Я прошу. Я был верен Ей и честен. Теперь пришло мое время *просить*...

– Хорошо. Я дам знать, когда.

И уже прощаясь, она совсем по-доброму обняла его и сказала: «*Trouvez votre étoile, chéri!*»². Выходя из ее помпезной гостиной, Генри вспомнил:

– А что вы сделали с леди Хейли?

– Я? Я не могу даже салфетку связать, знаешь, как болят глаза? И руки совсем не держат спицы, дружок... Что я могу сделать с кем-то?

– Тетя, мне нужен ее адрес. – Генри знал свою тетушку и пропажа леди Хейли, такая удобная для него после обручения, не обошлась без этой выдавшей виды хитрой лисы.

– Понятия не имею, о чем ты? – леди Гаррингтон почти искренне недоумевала.

– Тетя, если бы Вы не были столь же блистательной интриганкой, сколь умной и мудрой женщиной, я бы подумал, что вы постарели!

– Как тебе не стыдно напоминать мне о моих летах!

– Адрес, тетя?

Поняв, что эта настойчивость в племяннике – фамильная черта Гаррингтонов, создававшая их имя и наследие на протяжении нескольких веков, на пути которой не может стоять преград, леди Гаррингтон перевела глаза на камин, словно подсчитывая петли на спицах. Спустя несколько минут она повернулась к племяннику и тихо ответила:

– Монкс Орчард-роуд, Бекенхэм, Лондон...

– Бетлем? Психиатрическая лечебница? Тем более – *эта*?

– Подожди, я напишу письмо ее интенданту, мистеру Худу: просто так тебе никто и не скажет, что она там.

Генри думал, что его мало чем можно было удивить, но этот хрупкий кардинал в кринолине оказался способен на сюрпризы: сначала как родную дочь принять не англичанку, а француженку, католичку. Причем, принять не просто в обществе, а невестой единственного наследника-протестанта. Затем ввести ее в самые лучшие клубы тогда, когда даже своим английским титулованным протеже в борьбе за его сердце и руку она не позволяла себе никакого участия. Помочь племяннику быстро получить разрешение викария на межконфессиональный брак, заплатить за это двадцать восемь гиней, не без сопротивления со стороны жениха. Затем ввязалась помогать со свадьбой и наверняка приложила руку к этим приглашениям во Французское посольство. Сейчас он узнал, что женщина, болезненно одержимая им, упрятана тетушкой

² Верни свою звезду, милый! – (фр)

в самую строгую психиатрическую лечебницу Лондона, известную много столетий как самое дикое место на земле... Леди Гаррингтон очень хотела этот брак с графиней де Леви для своего племянника. И впервые Генри решил, что не хочет знать предел возможностей своей тети и перечить ей, становясь ее врагом, уж тем паче. Взяв в руки письмо для интенданта Бетлема, он откланялся и направился на Монкс Орчард-роуд.

Психиатрическая лечебница Бетлем после всех скандалов прошлого являла собой тревожный дворец надежды: внешне безупречная и внушительная, при близком рассмотрении она была похожа на обычную усадьбу. Но с высоким забором, колючей проволокой, решетками на окнах и суровым пропускным режимом с санитарями на входе. Генри попросил отвести его к интенданту, который выбежал навстречу с визиткой сэра Гаррингтона барона Латаймера графа Олтона, тотчас, лишь только ее получил, и весьма любезно проводил своего гостя к себе. Прочитав письмо тетушки, он позвонил и вместе с санитарями повел Генри в палату леди Хейли. Двигаясь по коридорам третьего этажа, в которых, в отличие от всех газетных историй и рассказов о привидениях и ужасах, не было ни души, а белые двери с обеих сторон коридора были наглухо закрыты и невозможно было сказать, есть ли за ними хоть кто-нибудь, Генри был взволнован: не столько предстоящей встречей с женщиной, которая так отчаянно добивалась его самого, его денег и имени, сколько тем, что она могла быть причастна к похищению его Джейн и ее безумие открывало ужасные перспективы.

Мистер Олтон не был человеком робкого десятка, но внутренне готовился к худшему. В последний раз из подобного места он вызволял эту женщину другими методами, вспоминал о которых с содроганием, и это было во Флориде пять лет назад. Кто мог знать, что в психиатрическую лечебницу на Юге Америки леди Хейли попала не просто так. Деньги ее семьи, фактически принадлежавшие Короне Британии, нуждались в контроле, в связи с чем из психиатрической лечебницы он ее практически выкрал для того, чтобы увезти и спрятать в Лондоне: Ее Величеству доподлинно было известно, что подкупленный врач должен был опоить леди Хейли и заставить подписать завещание с нужными именами наследников, а после устроить несчастный случай. Необходимо было вернуть леди Хейли в Англию чтобы контролировать ее действия. Выполнить подобное поручение мог только очень подготовленный и очень способный человек из близкого круга, поэтому мистера Олтону у его тетушки за чаем во время приватного чаепития «попросили об одном одолжении».

Если бы он мог представить себе тогда во что ввязывается и чем завершит это опасное приключение, он отказался бы от него любой ценой: он потерял друга, благородного сэра Мейсона Кавендиша, он сам несколько раз чуть не погиб, но с головы леди Хейли не упало ни одного волоска. После возвращения в Лондон нездоровая одержимость своим спасителем лишь усилила болезнь Агнес: она решила, что он влюблен в неё и они должны пожениться, ведь он ее герой-спаситель, иначе и быть не может... А Генри эта женщина всего лишь напоминала о невосполнимых утратах, которые он пережил по ее вине и будет помнить всю свою жизнь.

Они подошли к палате, возле которой санитары передали связку ключей интенданту Худу и встали на страже входа. Интендант поднял глаза на Генри и спросил:

– Вы уверены, что хотите увидеть это? Неужели недостаточно моего слова, что Агнес Хейли находится в этой палате последние три с половиной недели?

– В письме Вас просили «дать убедиться воочию», мистер Худ. Открывайте!

Интендант отстранил Генри от входа, повернул ключ в замке и тихо отворил дверь. В большой светлой палате с кроватью и тумбочкой, на широком подоконнике зарешеченного окна сидела, поджав под себя ноги, горбатая старуха лет семидесяти, одетая в длинную белую сорочку...

Генри молниеносно повернулся к интенданту и как можно вежливее спросил:

– Мне бы хотелось увидеть мисс Хейли, мистер Худ.

– Это она. – уверенно сообщил интендант, даже не понимая, что не нравится визитеру от леди Гаррингтон? И Генри взорвался: он пообещал уволить всех, лечебницу закрыть, здание снести, а яму после сноса залить отходами со всего Лондона, особенно из Темзы, и после сравнять с землей, если ему немедленно не сообщат, где находится настоящая леди Хейли!

Интендант пошел пятнами: ссориться с семейством Гаррингтонов было плохо, очень плохо. Они вернулись в кабинет, куда тотчас были вызваны санитары, забиравшие буйную леди Хейли. Все делали круглые глаза, удивленно разводили руками и утверждали, что никакой другой леди Хейли они не забирали с Итон-стрит три с небольшим недели назад. Убедившись, что никакой леди Хейли в Бетлеме нет, Генри развернулся и уехал, более не тратя слов даже на проклятия.

Вернувшись, мистер Олтон застал в прихожей невысокого мужчину самой неприметной наружности с саквояжем и котелком в руках. Увидев вошедшего, мужчина вскочил, поклонился и протянул Генри письмо от леди Гарринтон со словами: «Меня зовут мистер Фикс, к Вашим услугам!». Это был приказчик от тетушки, которого тут же отправили накормить, а также выделили ему комнату рядом с кабинетом. В отсутствие поручений мистер Фикс преспокойно лег на диван, заверив Генри в своей готовности в любое время дня и ночи организовать обеспечение любого его предприятия.

Мистер Дойл и сэр Талбот отсутствовали, выполняя свои задачи этого дня. Приняв управляющих фабрик с отчетами, Генри распорядился и ими, после чего, в ожидании своих друзей с новостями, рискнул войти в гостиную, где над камином в полный рост стояла его Джейн, Janne-Julie – tres joili³, как назвал ее посол Франции. Странное имя для графини, но и оно ей шло. Ей все шло, его милой Джейн, она заслужила каждый комплимент, все, что говорилось о ней с восхищением... Все, кроме того, что с нею случилось.

Когда ее отец вкратце рассказал ему причины, по которым он постоянно прячет свою дочь, лишая ее обычных человеческих радостей, Генри не мог поверить, что в изоляции и ограничениях девушка может оставаться доброй и отзывчивой при том, что и дерзкой, и вредной его милая кузина быть не переставала. Внешне – обычная молодая француженка, избалованная вниманием и свободой Второй Империи. И, в то же время, умный, содержательный человек, эрудированный и прогрессивно смотрящий на жизнь, самостоятельно и очень деятельно устривающий свою независимую судьбу... Корона была бы ей к лицу: она жила так, будто и спала в венце. Впрочем, даже уснув на скамейке в осеннем саду она была великолепна и неприкосновенна, как истинная королева. У Генри были подозрения, что это дело не обошлось без одного его оппонента в прошлом: очень похоже действовал прусский агент Ангелочек, из-за которого чуть не сорвалось поручение Ее Величества и погиб его лучший друг.

Словно живая, графиня де Леви смотрела на него с этого полотна, не мигая и, как всегда, будто спрашивая: «Мы сегодня едем в Оперу? Мы будем кататься на лодках в парке? А когда ты покажешь мне метрополитен? Почему мне нельзя снова на фабрику?» ... Как же ему не хватало этого милого чирикания, этой легкости, с которой она делала абсолютно все: смеялась, плакала, справлялась с трудностями, говорила и молчала! Звук ее голоса заставлял его жить и теперь, когда вот уже вторые сутки ее не было дома, все остановилось в нем, и в сердце его тоже. Встав почти вплотную к камину, подняв голову к ее изображению, невольно вслух простонал он: «Где же ты, Дженет? Как мне найти тебя? Где искать?». Сэр Талбот, вернувшийся с новостями и тихо открывший дверь гостиной, увидел это и понял именно в этот момент, что как бы он ни хотел себе иного, Жанна Гиацинта де Леви и Генри Гаррингтон барон Латаймер граф Олтон созданы друг для друга и никто их не разлучит, даже смерть. Талботу стало даже немного совестно, что он подумал, будто этот союз, несомненно, заключенный на небесах, может нарушить хоть что-то, будь это даже безграничная любовь, на которую он только был

³ Жанна – Подружка – очень красивая (фр)

способен. Тихо и незаметно прикрыл он дверь обратно, решив не беспокоить друга до ужина, и ушел в комнату, которую Моррисон заботливо приготовил для него.

Вечером они собрались за столом для покера в курительной после ужина: мистер Дойл приготовил свои записи, Генри и Талбот так же достали исписанные блокноты. Мистер Фикс был разбужен. Мистер Дойл начал:

– Господа, что вам удалось сделать за сегодня?

– Я привез помощь от леди Гаррингтон, она обещала полную поддержку по любым вопросам. У нас поселился мистер Фикс, готовый организовать абсолютно любое мероприятие, достать все что угодно и кого угодно. – ответил Генри, не сообщая друзьям детали своей просьбы о помощи у Её Величества. Сэр Талбот как-то особенно смотрел на своего друга и слушал его в этот вечер. Лишь тот умолк, Энтони начал свой рассказ:

– Я нашел место, где жил граф де Сен Паль: первый месяц он провел в Дувре, остальное время в Лондоне, на Уайтчепел-роуд. Странное место, не самое лучшее для джентльмена его уровня, но оттуда он съехал как раз три дня назад, за двое суток до приема во Французском посольстве. Поговорив с некоторыми его соседями, я выяснил, что к нему приходили странные люди, как правило под вечер, и прятались они в плащи, не желая быть узнаваемыми. Так же приходила дама, но тоже так сильно закутывалась в вуаль, что нельзя было сказать даже, блондинка или брюнетка она была. Письма приносили редко: Сен Паль все ждал какое-то особенное письмо, но, так и не дождавшись его, разозлился и съехал. За ним на двуколке как раз заехала та дама, и опять она очень скрывала свое лицо... О леди Хейли почти месяц в ее доме на Итон-стрит ничего не известно.

– Леди Хейли была помещена в психиатрическую лечебницу Бетлем три с половиной недели назад, но фактически оказалось, что ее подменили: в психиатрической больнице находится подставная старуха. – тихо добавил Генри. Энтони многозначительно присвистнул, но промолчал.

Доктор Дойл в этот момент оживился и спросил:

– Нет ли вероятности, что Сен Паль и леди Хейли могли быть знакомы, быть на вас двоих обижены и объединиться против вас?

Генри задумался. Такое ему даже в голову не приходило, но порядочный человек и честность других судит всегда в первую очередь по себе, так что вероятность, конечно, была. И он ужаснулся тому, что мог наделать этот союз двух очень коварных и настойчивых людей... Особенно, если его подозрения в отношении Сен Палья верны... По его лицу доктор Дойл понял, что ответ на его вопрос утвердительный, и продолжил:

– У меня есть информация, косвенно указывающая на то, что это так: неподалеку от господина Сен Палья, на Уайт черч лейн, так же несколько месяцев назад поселилась молодая леди, всегда закутанная в вуаль. Вела она скромный образ жизни, уходила редко, всегда возвращалась под вечер домой и ни с кем особо не разговаривала. Съехала так же несколько дней назад. Думаю, нам можно сделать предположение, что это и была леди Хейли, каким-то удивительным образом избежавшая госпитализации в Бетлем и скрывающаяся в простом районе от глаз людских. Но! Она выходила из дома куда-то, а это значит, что она могла встречаться с господином Сен Палем. – доктор Дойл закурил и после многозначительной паузы сообщил своим друзьям, – Я уверен, что они объединились в союз против вас, сэр Генри. Нам осталось выяснить их планы, но перед этим нужно будет исключить участие в похищении графини де Леви трех разведок: Англии, Франции и Пруссии.

Амбициозные планы доктора Дойла несколько обескуражили Генри и Энтони: вопрос «Как можно было исключить три разведки трем гражданским?» явственно читался на их изумленных лицах, и мистер Дойл довольный произведенным впечатлением сказал:

– Мы прибегнем к помощи Вашего помощника, сэр Генри: мистер Фикс, если он настолько всемогущ, организует нам дело так, что во внутреннюю переписку между развед-

ками поступит засекреченная телеграмма от Английской разведки с обвинением в похищении графини де Леви. И в разведку Франции, и в разведку Пруссии. Это можно было бы сделать от имени любой из разведок, но удобнее всего от Английской: она более доступна и менее контролируется, так как не вовлечена в войну. Внутренняя переписка и обмен информацией между разведками существует, в этом мы можем быть абсолютно уверены. И вот тут мы можем получить правдивый ответ и, возможно, те детали, которые Вам, сэр Генри, как заинтересованному, но гражданскому лицу, никто не собирался сообщать. Получив ответы каждой из разведок, мы увидим недостающие части головоломки. Но кажется мне, господа, что мы столкнулись с необычным случаем, и все они как-то связаны, и разведки, и Сен Паль, и леди Хейли.

– Если рассуждать логически, то более всего заинтересована в похищении графини де Леви разведка Пруссии. Нам нужно искать связь между Пруссией и господином Сен Палем, он мог быть завербован ими в преддверии войны, – неожиданно для себя сказал Генри, хотя не уходила из его головы мысль, что не просто бонвиваном, жадным до денег и беспринципным, был этот незнакомый, но уже ненавистный ему Сен Паль. Генри решил не посвящать друзей в свои догадки, пока не проверил некоторые из своих идей – бонвивану легко продать Родину, если у него есть свой интерес...

– Иногда мне хочется растащить Вас на цитаты, мой мудрый друг. – заметил Энтони. – Очень точно сказано!

Доктор Дойл приподнял брови и подытожил:

– Мы близко к пониманию всей картины произошедшего, господа. Нам немного не хватает: завтра мы должны будем проследить путь Сен Палья и его сообщницы от его убежища до Вашего дома, сэр Генри, а затем – до того места, где они могут держать графиню де Леви. Пригласите мистера Фикса, мы должны дать ему поручения на завтра. – он поднял бокал с бренди, – Мы близки к разгадке! И – слава Богу, что от нас не требуют выкупа или противоправных действий, это было бы намного хуже!

По своему обыкновению, мистер Дойл первым ушел спать, раскланявшись со своими напарниками и извинившись, что в деревне приобрел привычку ложиться и вставать с петухами. Его уверенность, рассудительность и спокойный тон вселяли надежду. Он вроде бы и не говорил каких-либо успокаивающих слов, но как-то незаметно смягчал остроту положения вещей в этом разбитом горем доме на Итон-стрит.

Сквозь боль Генри почувствовал слабый маячок надежды.

И даже тепло от огня в камине.

И боль старого друга...

– Я понимаю тебя, Талбот... Но это *моя* женщина. *Она* сделала свой выбор. Я благодарен ей за это и любого заставлю уважать *ее* решение, – повернулся Генри к своему товарищу.

– Не нужно слов, Латаймер. Это все пройдет, вот увидишь... – Энтони Талбот говорил медленно, с болью, делая длинные паузы, – Я очень хочу, чтобы Она вернулась. И чтобы вы были вместе... Сегодня я увидел Любовь. – Талбот снова замолчал, – Ты стоял у Ее портрета в гостиной. Она так притягивает любого, кто находится рядом... Ты должен беречь ее, Генри. Там было огромное облако любви вокруг вас... Той самой Любви, вселенской, Божьей... я замедлил шаг, дыхание затаил, чтобы полюбоваться... Будто нет насилия, войн, зла... – проговорил Талбот, с трудом продолжая свое признание и глядя в камин.

Генри молчал, понимая, как дорого дается эта откровенность его лучшему другу, впечатлительному, горячему, верному Талботу, который вырос вместе с ним и был ему как брат. Старательно подбирая слова, Талбот продолжал:

– Вы двое теперь самые близкие мне люди, Генри. Ты можешь быть во мне уверен: я не побеспокою Ее своими откровениями, я справлюсь сам. В этом мире есть недостижимые нам вершины, которые никогда не нужно покорять потому, что они предназначены для других, и ждут их.

– Спасибо, Тони. – Генри не мог выразить всей своей благодарности другу за эти слова и уважение, с которым они были произнесены. Часы пробили полночь, когда они разошлись по комнатам, и во вторую ночь Генри засыпал с надеждой. Слабой, беззащитной, как сердце влюбленного, но единственной твердой крупницей посреди хаоса происходящего вокруг.

Новый день был суетным и серым: уже с утра мистер Фикс отправился с поручениями доктора Дойла, доктор снова сел в кабинете чертить свои схемы на листах, которые разложил на столе, Талбот помчался в Дувр, а Генри мог спокойно наблюдать, как Моррисону приходится отбиваться от поклонников графини де Леви, то и дело приезжающих в дом с визитами, поясняя, что всех скосила ветрянка: леди Джейн отправили лечиться на воды, сэр Генри не принимает из страха кого-нибудь заразить, ибо думает, что заболел сам. К моменту, когда даже Генри устал смотреть на муки своего дворецкого, выпроваживающего очередного пылкого молодого человека, в дом принесли посылку с запиской для мистера Олтона. Получив коробку без обратного адреса в руки, Генри решил открыть ее в кабинете вместе с доктором, возможно кто-то из нанятых ими помощников что-то нашел.

Мистер Олтон принес посылку в кабинет, выслушал соображения мистера Дойла о степенях связей между службами разведки и конкретными людьми в вероятностном подходе, поставил коробку на стол и развернул записку:

*«Сделайте так, чтобы граф де Леви немедленно приехал в Лондон,
и тогда Ваша невеста вернется домой почти вся»*

– Что за бред! – воскликнули они оба и Генри судорожно вскрыл коробку. Из нее на зеленое сукно стола выпал отрубленный человеческий палец.

С рубиновым и обручальным кольцами графини де Леви.

Бросившись в холл, схватив Моррисона за грудки Генри закричал: «Кто? Кто принес эту чертову посылку?» так яростно, что дворецкий лишился дара речи: за двенадцать лет службы сэр Генри никогда не терял самообладание. Доктор тут же выбежал на улицу, но никого не было на респектабельной Итон-стрит.

Спокойное голубое небо.

Зелень живой изгороди.

Пустая мостовая.

Несколько экипажей, подъезжающих к воротам других домов.

Тишина элитного района столицы Великобритании.

Яркое солнце.

Покой, на границе которого в кабинете на первом этаже дома сорок девять лежал отрубленный палец графини де Леви.

Доктор Дойл, мрачный и собранный, молча оттащил Генри от Моррисона, попросил воды и плеснул стакан в лицо Генри, чтобы тот пришел в себя. Холодная вода хорошо отрезвила графа Олтона, лишившегося рассудка от полученных новостей. Несколько слуг еле-еле усадили его в кресло, доктор вышел в свою комнату и минуту спустя вернулся с пузырьком, источающим ужасную вонь. Лично отсчитав каждую каплю в ложку мистеру Олтому, вторую ложку этих капель доктор накапал и себе, правда, в значительно меньшем количестве. Генри сидел отрешенно, слова давались ему с большим трудом:

– Я поеду во Францию сам, я за шиворот притащу графа де Леви сюда... Моррисон, готовьте коня!

– Моррисон, готовьте обед. – спокойно сказал испуганному дворецкому доктор Дойл, меряя пульс у Генри. – Через несколько минут мистер Олтон уснет и проспит не менее четырех часов. А мы в это время займемся делом.

Генри уснул быстро, словно потерял сознание, и только ровное дыхание его говорило о том, что он жив. Его укрыли пледом и оставили с горничной на случай, если он может проснуться. Мистер Дойл выдохнул: в ожидании сэра Талбота можно было осмотреть посылку

на предмет хоть каких-нибудь следов, отсылающих к отправителю. Доктору было не привыкать видеть подобное, сельская практика регулярно давала врачу немало материалов для наблюдений. Он был взволнован поворотом истории, в которой они оказались, ибо она укладывалась в его схему: графиня де Леви похищена с целью выкупа, но не деньги, а начальник отдела писем, «Черной комнаты» тайной полиции Второй Империи, нужен похитителям в Лондоне. Это говорило о том, что догадки мистера Олтона верны: только Пруссия нуждалась в графе де Леви. Только Пруссия имела такую шпионскую сеть и только Сен Паль, как лицо приближенное к семье графа де Леви, имел нужную Пруссии информацию обо всем семействе: и об отце, и о дочери... и о месте ее нахождения в Англии: если она не сообщала ему адрес, как он смог так быстро ее найти? Как он познакомился с леди Хейли? Где они находятся теперь и каков их план?

И главное – где графиня де Леви?

Пока изумленные слуги занимались приготовлением к обеду, а Генри спал, доктор Дойл вернулся в кабинет. После осмотра содержимого посылки, он снял кольца и констатировал несколько нестыковок: палец был женским, с безупречным маникюром, слишком свежим и нетронутым, а графиня должна была сопротивляться при похищении. Так же она не могла не сопротивляться при отделении пальца, из-за чего края раны должны быть неровными и сильно испачканными кровью, а здесь был ровный срез, будто одним ударом очень острого топора или мачете. Кольца не оставили следы на пальце, неизменно возникающие от долгой носки: их явно надели накануне ужасного действия. К концу своего исследования доктор Дойл был девять к десяти уверен, что этот палец не принадлежит той, кто долго носил эти кольца и что палец отрубили у мертвой женщины, кровь которой не шла по венам. И нужно было понять, как донести до мистера Олтона эти выводы без последствий, которые и его могли привести в Бетлем, прямо на соседнюю койку к мнимой леди Хейли.

Сэр Талбот вернулся к ужину. Уставший и взволнованный, прошел он к Генри, но горничная его вытолкала обратно в коридор и за всеми объяснениями, почему сэр Генри спит, отправила в кабинет, к доктору Дойлу. Там уже стоял мистер Фикс с отчетом, подробно пересказывая выполненные за день поручения. Доктор курил и внимательно слушал его рассказ, уточняя некоторые детали и удовлетворенно кивая. В конце рассказа мистер Дойл что-то тихо проговорил на ухо мистеру Фиксу и тот отправился телеграфировать.

Вечером все трое собрались за столом в гостиной. Генри был спокоен. Внешне очень спокоен: его боль притупилась немного, а капли доктора Дойла дали возможность по-настоящему выспаться. Он был наконец-то собран и готов к действиям. Доктор Дойл озвучил дневное происшествие и сэр Талбот, капитан кавалерии и бесстрашный боевой офицер, побледнел, с тревогой глянув на своего друга: – Мне жаль, Генри...

– Оставим это на потом, Энтони... Я в порядке. Благодаря каплям доктора я собран и готов действовать.

– Джентльмены, я пришел к выводам, что однозначно мы не можем утверждать, что полученное сегодня... послание... принадлежит графине де Леви. Сэр Генри, Вы узнали кольца? Это – кольца вашей невесты?

– Да, доктор. Это – обручальное кольцо моей невесты и помолвочное кольцо моей матери, оба я надел на руку графине де Леви во время помолвки и обручения. – ответил мистер Олтон. Доктор Дойл кивнул и продолжил, – Я провел тщательный анализ полученного сегодня, и подозреваю, что эти кольца впервые были одеты на палец этой женщины через сутки после того, как ее сердце перестало биться... Эта женщина не носила эти кольца при жизни. Есть все основания полагать, что эта женщина – не графиня де Леви.

Пораженный Генри, пока Талбот молча переваривал сказанное мистером Дойлом, воскликнул:

– Но как? Как Вы могли установить это, доктор?

– По признакам – учитывая тот факт, что размер кольца графини де Леви этой несчастной откровенно мал, следов от колец на нем совершенно нет. Края раны ровные, бескровные – живой человек инстинктивно дернулся бы и срез должен быть неровным. Так же эта женщина однозначно физически не сопротивлялась никому и ничему, а мы знаем, что это была графиня де Леви и что ее похитили. Вы, сэра Генри, можете себе представить леди Джейн, которая не сопротивлялась?

Первая улыбка тронула уголки губ мистера Олтона за все эти дни: только не его Дженет! Эта бунтарка не дала бы спуску никакому давлению на себя. Это не помогло ей справиться с негодями, но без сопротивления его милая Джейн не оставила даже попытку сделать ей предложение... И он ответил:

– Нет, доктор, только не леди Джейн. Она бы боролась.

– Тогда вот что нам известно на сегодня, позвольте мне начать с выводов, а детали я поясню по мере возникновения вопросов: графиня де Леви похищена агентом Прусской разведки, завербованным во Франции еще несколько лет назад. В Лондоне он и его сообщники после неудачной попытки выманить леди Джейн из Брайдхолла, где ее достойно охраняли, разыскали леди Хейли и вступили с нею в союз мести. До конца, как я понимаю, агент Прусской разведки Сен Паль не открывал леди Хейли свои планы и истинные цели, используя ее отчаянное желание отомстить своей успешной сопернице и Вам, сэра Генри, – в этом месте лицо Генри потемнело, однако он был связан присягой Ее Величеству и не имел права говорить с кем бы то ни было ни об обстоятельствах самой командировки, ни о людях, с которыми он в ней встречался. Доктор продолжал, – Когда их первые попытки потерпели фиаско, они начали готовить план похищения графини. Главной целью этого был шантаж графа де Леви, ее отца и начальника «Черной комнаты» Тайной канцелярии Второй Империи Франции. Нам очень помог мистер Фикс: он организовал подкуп необходимых телеграфистов, заставил разведки переписываться друг с другом и получил для нас эту бесценную информацию. Устрашающий маневр с отрубленным пальцем должен был лишить сэра Генри остатков рассудка и заставить опрометчиво вызвать в Лондон графа де Леви. Мы сообщим ему об опасности по иным каналам связи, используя зашифрованные публикации в газетах. Мистер Фикс сейчас телеграфирует в La Presse необходимый текст шифровки.

Пораженные рассказом доктора, Талбот и Олтон сидели какое-то время молча. Фактическое отсутствие разведки у Франции на момент начала войны, пренебрежение к разведывательным мероприятиям и абсолютная уверенность в своих силах Наполеона Третьего не могли не сказаться на печальной судьбе французов. И тем ценнее был граф де Леви для Бисмарка, который, в отличие от Бонапарта, знал толк в работе с информацией во время военных действий. Не выдержал первым Генри:

– Как Вам удалось за такое короткое время выяснить столько, мистер Доил? Я несколько не сомневаюсь в ваших выводах, но что мы будем делать дальше?

– Это зависит от того, что удалось найти сэру Талботу.

– Я кое-что действительно нашел... – Талбот достал из нагрудного кармана конверт и положил его на стол. Учитывая предыдущий опыт этого дня все напряглись и несколько мгновений наблюдали конверт безмолвно и не шевелясь. Генри, вероятно действительно нашедший внутреннее равновесие, первым спокойно протянул к конверту руку и, открыв его, вытряхнул его содержимое на сукно стола.

Это была аметистовая заколка графини де Леви.

– Где Вы нашли ее, сэра Талбот? Ради всего святого, ГДЕ Вы ее нашли?!?!? – вскинулся Генри.

– В Дувре. – спокойно ответил Талбот. После всех потрясений этого дня рассказывать о том, что уже произошло и не сможет потрясти своей неожиданностью и коварством, было намного проще, чем задерживать дыхание в преддверии очередного поворота истории, проис-

ходящей с ними на Итон-стрит, – Весь день я провел в порту, но не на пристани, а именно в его окрестностях. Я подумал, что многие пытались пересекать Ла Манш тайно, а контрабандисты – весьма успешно это проделывали. Опять же, важно было не то, кто прибывает, так как к берегам туманного Альбиона стремилось множество французов, спасаясь от войны. Важно было то, кто стремился во Францию, и самое главное – кто уже отплыл туда в прошедшие несколько дней. Из пяти баркасов, рекомендованных мне как альтернативное средство попасть в Кале, в третьем по счету капитан был на судне один, мертвецки пьян и в попытках разбудить его я наткнулся на женскую заколку, испачканную и затоптанную явно случайно: такое богатство можно оставить там, где оно лежит, только если ты очень спешишь и не смотришь по сторонам. Мне показалось знакомым это украшение, господа, и я его забрал для анализа...

– Где сейчас этот капитан? – спросил Генри с оживлением.

– Я хорошо спрятал его, – хитро усмехнулся Талбот, – Под арест на десять суток за содержание пассажирского судна в ненадлежащих санитарных условиях. Он надежно сидит в камере даже не зная, кому обязан этим отдыхом.

– Отличная работа, сэр Талбот! – похвалил его доктор Дойл. – Мы можем констатировать, что завтра, когда капитан проспит, мы получим разъяснение в том, как к нему на судно попала эта заколка и куда намеревались отвезти леди Джейн. Господа, можно предположить только одно: графини де Леви в Британии нет.

Несколько дней прошло в поисках информации, явно или косвенно указывающей на то, что предположения доктора Дойла были верны: леди Джейн действительно увезли во Францию, судно нанимали с условием: один капитан, и он смотрит только на штурвал, платили много. Было их несколько: трое-пятеро человек, он не рассмотрел. Но выяснить ее путь от Кале вглубь страны было можно, исключительно лично отправившись в разгромленную Вторую Империю, неохотно принимающую иностранных граждан и не гарантирующую сохранность их жизни. Генри нашел опору своему здравому смыслу в деятельности: он управлял поисками информации вместе с доктором Дойлом, он управлял фабриками, он писал аккуратные письма баронессе Латаймер, справляясь о здоровье. Брайдхолл был оплотом его надежд и поддерживал его так, как делали бы это его родители... Если в Брайдхолле все шло как надо, значит и в остальном все пойдет как надо. И несмотря на то, что с момента похищения графини де Леви прошла почти неделя, Генри чувствовал, что каждый день подбирается к возможности спасти ее все ближе и ближе. Их маленький клуб, созданный для поисков графини де Леви, превратился в отлично работающий механизм: чем далее их влекла история, тем больше они понимали друг друга с полуслова. И верили в успех.

Именно в такой момент, в один из вечеров, к дому графа Олтона подъехал неприметный скромный экипаж, из которого вышел пассажир, закутанный в плащ с головы до ног. Он помедлил, прежде чем коснуться дверного звонка. Затем, собравшись, вдохнул и позвонил. Моррисон открыл дверь и, прочитав протянутую ему визитку, стремительно распахнул дверь и почтительно поклонился. Гость вошел внутрь и, утонув в темноте роскошного холла, немного сбавил скорость. Он шагал уверенно, но плечи его были как-то обреченно опущены, будто у генерала, проигравшего войну. Он отказался снимать плащ и прошел следом за Моррисоном в пустую гостиную: сэр Генри и его друзья собирались каждый вечер для подведения итогов дня и обсуждения планов на завтра в курительной комнате. Вспыхнувшие газовые свечи явили всю красоту убранства этой приемной: золотые рамы для портретов, бархат обивки, позолота на ножках мебели и рояль с инкрустацией. Портреты рода Олтонов, Латаймеры, Гаррингтоны... Но первой вспышкой следом за ярким взрывом света в этой огромной комнате был фотографический портрет графини де Леви: почти метр в высоту, он стоял на каминной полке как портрет королевы в тронном зале.

Ночной гость замер, глядя на него, и перестал дышать. Она так живо улыбалась, он не помнил ее такой живой и такой счастливой, хотя очень хорошо знал каждую ее черту, каж-

дое движение... Его дерзость – прийти сюда, быть на этом острове, в этом доме, нарушая все запреты, пойдя против воли всех разведок Европы, была вознаграждена всего лишь портретом его любимой женщины, которая, к несчастью, плакала из-за него гораздо чаще, чем смеялась. И которая никогда не улыбалась ему так, как на этом портрете своему жениху, стоя в венчальном платье с увитыми флердоранжем волосами. Как хотелось ему обнять ее сейчас и сказать, что все невзгоды позади, но это было бы неправдой, и от этого ему было еще тяжелее.

Моррисон открыл двери и впустил своего хозяина, который влетел стрелой в свою гостиную, один, и увидев лицо своего гостя встал над ним как грозный орел над своей добычей. Приличия требовали вежливости, и он, сжимая визитку этого человека в кулаке, сквозь зубы процедил:

– Добрый вечер, граф. Наконец-то я вижу Вас!

– Добрый вечер, милорд. Я приехал спросить у Вас – Где Моя Дочь???

– Нет, это я должен спросить у Вас, где моя невеста, граф де Леви!

– Я оставил Вам ее, дал все мыслимые полномочия и ресурсы, согласился на ваш брак, благословил его... И что я вижу – моя дочь похищена, а Вы даже не сообщили полиции!

– Если бы я не знал о сути вашей службы при дворе Императора Франции, я бы поверил в эту скорбь, которая есть не что иное, как лицемерие! Вам ли не знать, к каким последствиям привела бы огласка ее похищения? И не притворяйтесь, что Вам ничего не известно о том, что это ужасное событие – следствие Вашей службы Второй Империи, ибо господин Сен-Паль, который похитил ее, является прусским шпионом уже несколько лет. Вы избавились от родной дочери, увезли ее в чужую страну и растаяли в тумане, даже не написав ей за полгода ни строчки. Я был ее отцом, матерью, братом, нянькой все это время... Имеете ли Вы право требовать от меня ответа? Мне известно то, что ее увезли в Кале... Вы явились из Франции, ответьте мне, где находится моя невеста? Говорите немедленно или я начну вытряхивать из Вас все силой?!? – Генри взревел, страшно сверкая глазами, все ближе подступая к своему оппоненту, а граф де Леви, такого напора не ожидавший, отступил назад, не имея возможности и слово вставить в эту гневную тираду. В конце спича они полыхали оба, и вбежавшие на крик сэра Генри его друзья и Моррисон застали обоих вцепившимися в грудь друг другу ровно под портретом так горячо любимой ими обоими женщины. Моррисон никогда не видел своего хозяина в таком бешенстве и от неожиданности выронил лом, который схватил себе в помощь, когда услышал крики и побежал в гостиную. Звонкий стук чугуна о мрамор заставил всех очнуться, и доктор Дойл первым заговорил с забияками:

– Господа, давайте поговорим о том, что все мы можем сделать для графини де Леви, оказавшейся в такой затруднительной ситуации? Граф, – обратился он к графу де Леви, – имею честь представиться, доктор Конрад Дойл, к Вашим услугам. Это – барон Энтони Талбот, капитан кавалерии Ее Величества и старый друг мистера Олтона. Мы все объединены одной целью – вернуть графиню де Леви живой и невредимой обратно, в Англию...

– Ноги ее в Англии не будет! – еще больше вспыхнул граф де Леви, – Здесь никто не может позаботиться о ней!

– Как и у нее на родине: даже родной отец сбросил ее родственникам на соседний остров, избавив себя от всех хлопот... – прогремел граф Олтон в ответ.

Моррисон на всякий случай поднял лом.

Доктор Дойл не оставлял попыток:

– Давайте поговорим спокойно! Мы далеко продвинулись и располагаем достаточными ресурсами для того, чтобы найти леди Джейн...

– Кого? Какая она вам «леди Джейн»? Мою дочь зовут Жанна Гиацинта де Леви! – гневно парировал граф де Леви, и Генри не остался в долгу:

– А здесь ее зовут леди Джейн, и скоро будут называть миледи, графиня Джейн Олтон, так и запомните!

– Я могу расторгнуть вашу помолвку!

– Но не обручение! О котором Вы бы знали, если бы хоть немного интересовались своей дочерью! Мы скреплены не только помолвкой, а обручены и ждали Вашего приезда для того, чтобы пройти обряд венчания... Но, конечно же! Вам интересны только дела Франции, родная дочь подождет где-нибудь снаружи!

– Вы забываетесь, и я готов требовать удовлетворения...

– В любую минуту к Вашим услугам...

Доктор Дойл выглядел отчаявшимся, а Талбот с интересом наблюдал за этой словесной дуэлью, пока она не переросла в настоящую. Видя, что противники зашли уже слишком далеко, Энтони решительно подошёл к ним и неожиданно встал между ними, твердо раздвигая своими стальными руками спорщиков в разные стороны:

– Господа, вы говорите о женщине, которую я люблю и которой не позволю остаться ни круглой сиротой, ни вдовой!

Оба дуэлянта с изумлением уставились на барона Талбота. Он, не меняясь в лице, продолжал:

– И поэтому я требую, чтобы вы оба немедленно обняли друг друга, и прошли со мной и доктором Дойлом в курительную, где все мы сначала выпьем бренди, потом закусим окороком, а затем объединим усилия в поисках той, что возвышается прямо сейчас над нами, смотрит с этого портрета на нас с укоризной и ждет помощи, – Талбот повернулся в сторону дворецкого и добавил, – Моррисон, дюжину бренди, рома и все, что есть в погребе мясного – в курительную! Моррисон радостно бросил лом, и он еще раз громким гонгом стукнул по мрамору, глухим и тягучим аккордом завершая увертюру топота ног дворецкого, бегущего в сторону кухни. От этого звука все будто очнулись: доктор Дойл выдохнул, Генри отпустил сюртук своего будущего тестя, а граф де Леви – полы его пиджака, вдруг почувствовав усталость и желание пить. Он первым тихо сказал:

– Я прощаю тебя, Генри. Прости и ты меня...

– Господь всем нам судья, граф. – ответил Генри спокойнее, чем прежде. Он понимал, что ради Джейн они могут быть союзниками. Они должны быть только союзниками, не врагами. Понимал это и граф де Леви. Они нашли в себе силы пожать друг другу руки, и все переместились в курительную, где клуб спасения графини де Леви бросил все свои записи и блокноты, чтобы разнять двух мужчин, разгневанных и лишенных контроля потерей любимой женщины. Моррисон привез все, что нашел в винном погребе, а следом за ним слуги прикатали еще одну тележку с поздним ужином.

Выбрав эль вместо бренди, граф де Леви с изумлением слушал рассказ доктора Дойла о том, что им удалось выяснить всего за неделю. Невероятные открытия заговора, столкновение интересов лучших разведок Европы и одна маленькая француженка в лапах жестоких и бессердечных немцев. Он невольно восхищался силой чувства и в то же время титаническим самообладанием Генри Олтона, которого помнил мальчишкой. Которому в день приезда он фактически навязал заботы о своей дочери, и который давно стал мужчиной, способным не только позаботиться о его Жюли, но и защищать ее настолько, насколько это было возможно в их обстоятельствах. Мужчину, который и его самого смел бы с лица земли ради своей невесты. Эль разгладил морщины сомнений на сердце графа де Леви. Еще не теряя нити повествования, но утомленный и длинным переездом, и нервным напряжением этой недели, и срывом в гостиную только что, граф де Леви почувствовал себя немного спокойнее за будущее Жюли, но единственный вопрос, что мучал и его, и его собеседников: где она, и какую участь ей готовит прусская разведка. Граф де Леви прибыл в Лондон инкогнито, официально никто не сообщал о похищении невесты Генри Олтона, *она была в Италии, восстанавливалась от ветрянки*. Но и за ним, и за домом могли следить. А как искать его дочь во Франции, поглощенной вой-

ной, сменой Второй империи на Третью республику и поражением Императора, было невозможно придумать, тем более со слезкой на хвосте...

Однако, ближе к полуночи доктор Дойл уступил слово отцу похищенной невесты сэра Генри, и граф де Леви сказал:

– Я удивлен тому, как далеко удалось продвинуться вам троим в своем частном расследовании, джентльмены. Хочу отдать вам должное, многое вы угадали верно. Добавлю лишь то, что знаю сам: Сен Паль действительно был завербован прусской разведкой, но много лет назад. Его внимание и методы были нужны, чтобы получить доступ в наш дом. Когда я узнал это, я разорвал все связи с ним и отказал ему от дома, но Жюли... леди Джейн, – поправился он, и глаза Генри благодарно блеснули, – оставалась в неведении, принимая его всего лишь за настойчивого поклонника. Ему удалось один раз похитить ее из монастыря, – тут все трое его слушателей пораженно охнули, – но в тот раз я быстро нашел ее, да и она сама пыталась бежать из места, где ее прятали. На сегодня нам известно только то, что она покинула Англию через окрестности Дувра на баркасе контрабандистов и с нею переправлялось через Ла Манш много людей – это действия организованной группы. Слишком большой, чтобы быть незамеченной в Кале. Сегодня в час ночи у меня встреча в посольстве Франции, неофициальная и очень важная – там я помимо своего вопроса, попрошу содействия в поисках моей дочери. Завтра я должен вернуться в Париж первым восьмичасовым поездом, кареты уже небезопасны для меня. И я буду искать графиню де Леви во Франции, сообщая вам все, что смогу узнать. А сейчас прошу прощения за то, что покидаю ваше общество, господа, но вынужден откланяться.

Выходя из курительной, граф де Леви обернулся и сказал Генри, на правах хозяина вставшего, чтобы проводить гостя:

– В любое время, в любом месте, сударь. Но только не дуэль, а венчание с моей дочерью. Вот что для меня – дело чести!

– Для меня тоже, граф!

Утром Генри вместе с Талботом завтракали перед отправкой в Дувр, чтобы выяснить как можно переправиться во Францию инкогнито: им нельзя было афишировать свою поездку, когда Моррисон дрожащей рукой подал им утренние газеты, где все первые страницы были отданы ужасному взрыву восьмичасового поезда на Кале. На вторых красовалось фото посла Франции, отдыхающего с супругой в загородной резиденции. Это было странно – все они считали, что граф де Леви приехал, чтобы встретиться с послом Франции... Озадаченно переглянувшись, друзья поняли, что в этом поезде ехал граф де Леви и тут же отправили Моррисона за мистером Фиксом. Управляющий леди Гаррингтон внимательно выслушал задание и довольно скоро выбежал из парадного выяснять обстоятельства произошедшего.

Все поездки отложили. Мистер Фикс продуктивно провел час времени и вернулся с печальным подтверждением: граф де Леви принял меры предосторожности, однако спокойно вернуться во Францию уже никогда не сможет. В то же время бросивший бомбу был задержан и им оказался член профсоюза суконной фабрики из Ланкашира, радикальный революционер. Причастность прусской разведки была искусно скрыта и понятна только посвященным в историю с похищенной дочерью графа де Леви. Последняя ниточка во Францию оборвалась: никто не будет искать леди Джейн во Франции, графиня де Леви стала сиротой...

Лицо ее отца, уставшего от своей миссии и долга перед родиной, которая чудом не раздавила его несколькими революциями, приблизила к Императору и заставила жить в вечном страхе за единственную дочь, пряча ее то у Господа в монастыре, то у брата на далеком острове, рискнувшего всем ради просьбы о поисках своего единственного сокровища и так и не получившего поддержки, там, где был уверен, что получит ее, стояло перед глазами всех, находящихся в столовой. Еще вчера этот человек сидел с ними за одним столом и строил планы, защищая дочь и свою страну, открестившуюся от участия в его деле даже на расстоянии...

То подавленно, то возбужденно обсуждая изменения в планах и дополнительные меры предосторожности для участников расследования, ибо никто не сомневался, что слежка за графом де Леви велась из Франции, все трое собрались снова в курительной, пригласили и мистера Фикса, и Моррисона для понимания серьезности ситуации. Доктор Дойл начал составлять список возможного усиления их поискового отряда из Генри и Энтони, мистер Фикс записывал кого необходимо найти и привлечь к этой экспедиции и как официально должна будет звучать причина их путешествия, Моррисон чертил график обхода дома в течении дня и ночи для обеспечения безопасности, а, если повезет, то и поимки шпионов. Генри надиктовал в телеграф для «Дейли...» некролог и заметку об объявлении траура от лица графини де Леви по своему отцу и его, так и не состоявшемуся свекру. Разбирательство обстоятельств взрыва утреннего поезда грозило затянуться на несколько месяцев, всегда подобное было делом медленным из-за изобилия законов и поправок к ним, тем более погиб иностранец и гражданин воюющей империи... Они собирались как можно быстрее выехать, чтобы не потратить ни одного мгновения зря.

И в этот момент в их штаб в сопровождении растерянного лакея вошел полицейский-президент Скотланд-Ярда Эдмунд Гендерсон в сопровождении двух инспекторов. Подобный визит не сулил ничего хорошего: на весь Лондон инспекторов-детективов всего было двадцать с небольшим, такой серьезный состав обещал что-то масштабное и мрачные лица вошедшей кавалькады не оставляли надежд на приятную светскую беседу.

– Господа, имею честь представиться – полицейский-президент Скотланд-Ярда Эдмунд Гендерсон. Мне необходимо переговорить с мистером Генри Гаррингтоном, бароном Латаймером, графом Олтоном.

Генри молча поднялся и кивнув мистеру Гендерсону провел его в гостиную. Детективы-инспекторы проследовали за ним так же, как и его друзья, дав знак Моррисону и Фиксу остаться в курительной. Мистер Гендерсон, увидев портрет графини де Леви над камином, опустил взгляд, будто взял еще одну тяжелую ношу к той, что принес сюда, и начал говорить:

– Сэр, сегодня утром мы получили чрезвычайный приказ Ее Величества тайно приступить к поискам графини де Леви, Вашей невесты, по просьбе Посла Франции в Великобритании, маркиза Ла Валетта. Описание внешности и одежды пропавшей особы было нам дано точным, детальным и исчерпывающим... Тем прискорбнее мне сообщить Вам, что так же сегодня утром в Темзе мы обнаружили тело девушки, одетой в амазонку Вашей невесты, графини де Леви. У нас есть основания предполагать, что неделю назад она была убита. Могли бы Вы проехать с нами и подтвердить, верны ли наши предположения, а также дать разъяснения о местонахождении вашей невесты, если окажется, что эта находка не имеет к ней никакого отношения?

– С чего вы взяли, что тело принадлежит моей невесте? Она в Италии на водах, – Генри не был застигнут врасплох. Они всё предусмотрели с легендой о том, где его Джейн. Он не верил в то, что слова полицейского-президента могут иметь хоть какое-то отношение к его истории.

– В кармане её амазонки была открытка со словами «Мистеру Олтону от мисс Леви», адресованная в Лондон, на Итон-стрит, сорок девять.

Генри сидел в кресле напротив мистера Гендерсона и молчал. Он целую неделю и мысли не допускал, что с его милой Дженет может случиться хоть что-нибудь дурное. Он сам, как и некоторые факты их расследования, настолько внушил себе что она жива и будет жива, пока он не разгадает этот ребус и не найдет ее, что глава Скотланд-Ярда с детективами в его гостиной, произносящие эти ужасные слова о смерти, никак не могли иметь отношение к его любимой. Он знал, ЗНАЛ, что она жива, они все ошибались...

Доктор Дойл, понявший всю серьезность происходящего гораздо быстрее мистера Олтона, сделал шаг вперед и произнес:

– Я врач этой семьи, я поеду с вами.

– А я – Ваш друг, Генри, и я останусь здесь, – положив руку на плечо мистера Олтона, сказал тихим голосом Талбот. И Генри встал, чтобы как можно быстрее покончить с этим. Детективы замялись, прежде чем выдвинуться из гостиной, и встретившись с ними глазами, мистер Гендерсон нехотя сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.